

Валентин Егоров

Танкист

1943 год

Валентин Егоров

Танкист

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Егоров В. А.

Танкист / В. А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Великая Отечественная война. 1943 год. Курская дуга - переломный момент в ходе войны. Впервые большое немецкое наступление было остановлено советскими войсками. В ходе этой операции погибли сотни тысяч советских пехотинцев, артиллеристов, летчиков ... Это рассказ об экипаже уникального советского танка КВ I. О том, как простые советские люди, сами того не замечая, совершали подвиги.

Содержание

1	6
2	9
3	13
1	16
2	20
3	23
1	26
2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Танкист
1943 год

Егоров Валентин Александрович
Тел: 8 (916) 612-7964
E-mail: val-egorov@mail.ru

Глава 1

1

Прохору Ломакину не везло по жизни, у него никогда не было родного отца. Однажды его мать, совсем молодой сельской девчонкой, поехала сдавать экзамен в московский институт, лето провела в Москве. Сначала готовилась к сдаче вступительных экзаменов, а затем целый месяц ожидала, это по ее же словам, результатов этих экзаменов. Она поступила в институт, который готовил инженеров текстильной промышленности, но учиться не стала. Своей матери, по возвращению в село, девчонка позже объясняла, что бросила институт из-за того, что ей не понравилась специальность, по которой она должна была бы работать по окончании этого института. Но на самом деле все было гораздо хуже, через шесть месяцев после своего возвращения, эта девчонка родила красивого бутуза. Появившийся на свет паренек совершенно не умел плакать и никогда не звал мать на помощь, потому что он знал, что его мать, эта девчонка, его совершенно не любит.

Она даже отказалась своего сына кормить грудью. Взбешенная этим отказом мать этой девчонки, которую звали Евдокия Андреевна, выгнала дочь с позором из своего дома, и Прошка больше свою родную мать никогда не видел. Евдокия Андреевна начала его воспитывать по-своему, по-деревенски. К слову сказать, вся сельская округа страшно боялась Евдокии Андреевны, ее мазанку в селе люди далеко кругом обходили. Ее официальный супруг Анатолий Кириллович ни разу в жизни не ночевал в ее хате, а Евдокия лишь изредка его навещала, оставаясь у мужа на ночь. Их единственная дочь постоянно жила у отца в хате, а мать ее лишь брала на руки, посещая хату мужа. Может быть, поэтому дочь без материнской любви получилась такой шальной и влюбчивой.

Когда нежданно-негаданно на свет появился родной Прошенька, Евдокия Андреевна хотела его после того, как метлою погнала дочь, поселить у деда, но тот к этому времени постарел и внука регулярно кормить кашами уже не мог. Пришлось старой Евдокии эту мороку возложить на свои плечи, вот Прошка с первых же дней своего появления на свет обитался в ее хате. Когда он немного подрос и начал соображать, то Евдокия хотела его опять-таки подбросить на мужское воспитание мужу, но тут сам трехлетний оголец погрозил бабке пальцем и, по людским поверьям, сказал бабке следующее:

– Баба Евдокия, прекрати меня манкировать, а относись ко мне с почетом и доверием. Прожил я у тебя три года, так и другие годы до своего совершеннолетия у тебя проживу.

Одним словом, великая колдунья и ворожея, это опять же по людским толкам и молве, оказалась у своего внучонка под каблуком, кормила и поила его так плотно, что Прошка вырос симпатичным парнем лежебокой, учиться в школе не хотел, а все за девчонками увивался. Причем, девчонки на него слетались, когда он выходил на деревенскую околицу на гармони поиграть и потанцевать, словно пчелы на клевер. Сначала матери на слабость своих дочерей не обращали внимания, в свое время сами с гармонистами целовались и тискались. Но, когда их дочки одна за другой обрюхатились и, ни под каким биением коромыслом матерям не признались, кто это такой проказник, то жены и матери обратились за помощью к мужьям.

А мужик то, что он на одно только и способен, свою силушку показать. Вот и сговорились трое таких отцов неудачников, они поймали Прошку на одном сеновале, где он очередную их дочку оприхаживал, и взяли его в кулаки. Били долго, смачно и с удовольствием, требуя, чтобы он женился на их дочерях с пузами.

– Что я сразу на трех должен жениться?

Спросил Прошка и, видя, что его могут избить до смерти, просто сказал:

– Ну, что ж, я согласен, но кто из девчонок будет первой, на которой я должен буду жениться?

Этот вопрос оказался не по мужицкому разуму, отцы неудачники были к нему не готовы. И пока они этот вопрос выясняли между собой тоже кулаками, Прошка со стонами и криками боли дополз до своей бабки Евдокии. Увидев внука в таком болезненном состоянии, Евдокия Андреевна заинтересовалась, кто был этими мужиками и почему они свои руки подняли на ее любимого внука? Не мудрствуя лукаво, Прошка ответил:

– Случайно встретились в деревенской парке культуры и отдыха, предложил мужикам на сотню баксов сыграть в шахматы. Они согласились, и на седьмом ходу проиграли партию, тогда и принялись меня нещадно молотить кулаками. Пришлось бежать к тебе, скрываться от их несправедливого бития.

Бабка Евдокия поступила по-своему, она посетила жен этих мужиков. И деревенским бабам рассказала, что у них больше не будет ни молока, ни сметаны, ни творога, ни яиц и никакого другого продукта от домашней скотины или птицы до тех пор, пока их мужья или они сами не попросят прощения у Прошки, а тот их не простит.

Что тут началось по деревне, чуть ли не демонстрации протеста. Но результат оставался прежним, домашняя скотина этих трех деревенских семей хирела и на глазах превращалась в сплошной убыток. Ее корми, холи, а на выходе никакого результата, да и сами мужики от такой несносной жизни налево начали поглядывать. Одним словом, три женщины собрались, переговорили между собой и решили войну с деревенской колдуньей и ее внуком прекращать, сдаваться на милость победителя. Уж очень они мужей не хотели терять, ведь с ними безотцовщину внуков проще и легче растить. Одним словом прослыл Прошка Ломакин по деревне великим ловеласом, да таким, что девчонки стали бояться к нему близко подходить, а вдруг от него одним только ветром подзалетишь!

Теперь Прошке по вечерам и ночам стало совсем нечего делать.

Тогда бабка Евдокия приобрела любимому внучонку ноутбук с мобильным Интернетом, тот до рассвета начал резаться в онлайн игры. Особенно парню понравились виртуальные танковые игры, когда через прицел видишь вражеские танки и метелишь их из танковой пушки, только успевай. Парень в этих виртуальных боях дошел до полного совершенства, он добился того, что поле боя через броню танка стал видеть все поле боя. Вскоре по всей России он стал лучшим виртуальным танкистом поединщиком № 1, никто из парней оппонентов не хотел с ним больше сражаться на виртуальном поле боя. Парень такое положение дел очень сильно переживал. Танкам он был готов отдать всего самого себя, а другие любители танковых боев, увидев его позывной «Атаман» в списках участников боя, тут же отказывались сражаться с ним в этом бою, все равно обыграет. А к этому времени выпускные экзамены в средней школе подошли.

Прошка был вынуждено от своих любимых танков оторваться и начать готовиться к сдаче государственного единого экзамена. Он страшно не любил в своей школе появляться, приходил туда только для того, чтобы подготовить и сдать контрольную работу по русскому языку или математике, или сдать какой-либо экзамен.

Преподаватели его тоже очень не любили, но были вынуждены по двум причинам ставить ему одни только отличные оценки. Ну, во-первых, Прошка к их великому удивлению любой сдаваемый им предмет знал на отлично, и, во-вторых, потому что его бабкой была знаменитая колдунья.

Еще в первом классе, когда директор школы от нежелающего посещать уроки в школе ее внука, решил избавиться выставлением регулярных двоек из-за немотивированных прогулов. В конце учебного года директор издал приказ об оставлении отличника на второй год из-за двоек по поведению. Летом со школой начали происходить одни несчастья, то стена обвалится, то канализацию прольет, то все стекла из окон повывлетят. Самый страшный случай произошел, когда перед самым новым учебным годом в школу приехала областная приемочная комиссия и их машина, микроавтобус, застрял посреди школьного двора. Машина не может тронуться с

места, члены комиссии не могут выйти из микроавтобуса, все суетятся, бегают вокруг, а сделать ничего не могут. Причем, все прекрасно знали причину всего происходящего.

В конце концов, нервы директора школы не выдержали, он побежал в канцелярию школы и на компьютере одним пальцем отшлепал приказ о переводе Прохора Ломакина во второй класс. И бежать к Евдокии Андреевне ему не потребовалось, как только директор поставил печать на приказ, то на мониторе компьютера мелькнуло лицо деревенской колдуньи, она коротко сказала:

– Спасибо!

И вся морока тут же закончилась.

Члены комиссии вышли из микроавтобуса и продолжили осмотр школы, как она была подготовлена к новому учебному году. Все забыли о том, что только что происходило, но только не директор.

Так Прошка нерегулярно проходил в школу, но учился только на отлично. Но в седьмом классе школы совершенно неожиданно для всех и, прежде всего, для самого себя Прохор Ломакин вдруг получил тройку по физкультуре. Вся школа тотчас же замерла в предчувствии профилактического наказания со стороны деревенской колдуньи, но такового не последовало. А Прошка стал регулярным посетителем уроков физкультуры, он начал бегать кросс по утрам и посещать только что открывшегося в деревне клуба юных каратистов. В следующей четверти тройка по физкультуре заменилась четверкой. А затем у парня снова восстановилась пятерка и по этому школьному предмету.

Экзамены по ЕГЭ Прохор Ломакин сдал на одни пятерки и, получив право свободного поступления, категорически отказался поступать в какое-либо высшее учебное заведение страны. Он пошел учиться на курсы трактористов, которые также окончился на отлично и, поработав в поле какую-то недельку, Прошку забрали в армию. Во время призыва военком поинтересовался у Прошки, кем бы тот хотел стать в армии? На что Прошка тут же ответил – танкистом.

2

Армия встретила Прохора Ломакина не очень-то гостеприимно, такие же, как он, парни, правда, чуть старше возрастом, и пришедшие в армию на полгода его раньше, попытались его превратить в салабона, а главное унижить, как личность. Прошка сопротивлялся, как мог, дрался отчаянно! Он мог выстоять против одного или двух бойцов своего же взвода, но, когда на него наваливался весь взвод, то парню приходилось очень плохо. Однажды, ему пришлось две недели пролежать на госпитальной койке после одной из таких «дедовских» разборок. Это произошло на третьем месяце его службы в танковой дивизии, танков к этому времени он в глаза не видел, а «деды» били его, чуть ли не каждый день.

Лежа на госпитальной койке, Прошка задумался над тем, почему у него не получается служба в родной армии. Он так мечтал стать настоящим танкистом, водить в бой эту грозную машину. В газетах и на галовидении так писалось и рассказывалось о таких же, как он, молодых парнях, которые водили в бой свои грозные машины и побеждали врага. Ему же с утра до вечера приходилось мыть полы и унитазы в казарменных туалетах и получать тычки в бок и оплеухи за плохо выполненную работу от сержантов. С начала службы он пару раз слышал о существовании командира своего взвода, лейтенанта Чернышева, но ни разу его в глаза не видел. Для него царем и богом в армии был старший сержант Беглов, который не давал ему и минуты отдыха. Но сколько бы рядовой Ломакин не размышлял над этой проблемой, выхода из этого трудного положения он так и не нашел.

Рядовой Ломакин явился во взвод для дальнейшего несения туалетно-санитарной службы под самый Новый Год, когда вся танковая дивизия на ухах стояла, готовясь к его встрече. Случилось так, что за трехмесячное его отсутствие во главе туалетно-санитарной службы встал новый только что призванный из Москвы бедолага, а о Прошке Ломакине сержанты пока забыли. Старший сержант Беглов с бешенством в глазах посматривал на Прошку, но ничего поделать не мог, так как был по горло занят организацией дивизионного концерта художественной самодеятельности. Но его злобная натура все-таки взяла свое, однажды, пробегая мимо растяпы чмыря, он хрипло сказал:

– Ну, ты, пацаненок, пока я организую художественную самодеятельность дивизии, не занялся бы ты очисткой от грязи и пыли корпуса нашего танка.

И увидев, как радостно заблестели глаза рядового Ломакина, тут же с сержантским ехидством добавил:

– Только чистить корпус танка тебе придется белым носовым платком и зубной щеткой.

Первый раз в жизни, войдя в танковое депо, рядовой Ломакин замер на пороге от величайшего удивления и в течение нескольких минут рассматривал шедевр танкового производства, Т-100. Танк был в полтора его роста, имел широкие гусеницы, длинную и толстую пушку и какую-то угловатую пушечную башню. Насмотревшись вдоволь на этот красивый танк, рядовой Ломакин был единственным человеком во всем танковом депо, где расположилось до тридцати одинаковых средних танков Т-100. Но из всех тридцати танков Прошке больше всего по душе был один танк, который стоял с самого фланга и выглядел каким-то недомытым и не до конца вычищенным танком. Зайдя в помещение, расположенное сзади этого танка, рядовой Ломакин переоделся в черную робу, и с ветошью в руках вышел к своему Т-100 и принялся за работу.

Первым делом Прошка научился с разбега заскакивать на корму или носовую часть танка. По правилам бойцы, введенные в экипаж танка, знакомились с ним торжественным приложением ладони к его корпусу, а танк сам заносил этого бойца в состав своего экипажа тем или иным специалистом. Но в виду того, что такой церемонии старший сержант Беглов с рядовым Ломакиным не проводил, танк пока не признавал Прошку членом своего экипажа. В

первый день своей работы по очистке корпуса танка от грязи рядовой Ломакин настолько ею увлекся, что пропустил ужин, и на голодный желудок лег спать в подсобном помещении.

На следующее утро он первым делом сбегал в столовку и упросить поваров, чтобы они выдали ему продуктов сухим пайком на следующие два праздничных новогодних дня. Вернувшись в подсобное помещение, Прошка очистил его от всей грязной ветоши. Аккуратно поделив ветошь на использованную и на еще неиспользованную, он разложил ее по отдельным ящикам. Канистры с горюче-смазочными материалами разложил по полкам стеллажей. Отремонтировал утилизатор и всю накопившуюся грязь и хлам отправил на переработку. Вскоре подсобка засверкала необыкновенной для армии чистотой и порядком.

Очистив подсобку, а затем грязную робу поменяв на чистую новую робу, рядовой Ломакин принялся за очистку корпуса самого танка. Первый праздничный день он с раннего утра и до позднего вечера провозился с танком, но оказалось, что его корпус невозможно хорошо очистить, если одновременно не будет производиться чистка орудия, пулеметов, приборов управления и рабочих мест механика-водителя, командира танка, который одновременно был и наводчиком орудия, а также бортинженера-радиста и пулеметчика. Рядовой Ломакин подошел к танку и приложил к нему ладонь своей руки, в голове рядового тут же послышался мелодичный женский голос, который произнес:

– Принято, рядовой Прохор Ломакин, воинская специальность – командир танка. С этого момента вы, рядовой Прохор Ломакин, являетесь штатным членом экипажа танка Т-100, государственный номер которого 1244231.

Ну, кореш, ты даешь! Кто же тебе это разрешил регистрироваться членом экипажа нашего танка? Ты ж еще школу подготовки одиночного бойца не прошел.

Тут же послышался за спиной голос старшего сержанта Беглова:

– Но прежде, чем наказывать молодого бойца, надо обосновать и объяснить ему причину его наказания. Давай, кореш, веди и показывай, что тут без меня натворил?

А у Прошки в этот момент, чуть ли слезы на глазах не появились, так все хорошо у него с танком получалось, он многое узнал, а главное своими руками его очистил от грязи прошлого. Он, как лунатик, развернулся и начал старшему сержанту Беглову демонстрировать результаты своей работы. Но старший сержант перестал балагурить, а внимательно осматривал каждый миллиметр корпуса Т-100. Через два часа осмотра, Беглов повернулся к рядовому Прохору Ломакину и одобрительно произнес:

– Неплохо, очень неплохо поработал, молокосос! Танки, видимо, любишь и умеешь ими заниматься. В некоторых местах видны огрехи, но это потому, что грязь там можно убрать, только разобрав орудие. До двигателя твои руки еще не дошли, вот и он несколько грязноват в механических соединениях. Ну, что я могу сказать, впереди у тебя еще полтора дня праздников, давай, трудись, рядовой, и дальше. А я на вечерней поверке тебя прикрою, чтобы не записали случайно в дезертиры.

С этими словами старший сержант Беглов ловко развернулся на каблуках сапог и мгновенно исчез из танкового депо. От пережитого волнения Прошка пошел в подсобку, вскипятил себе чайник чая и парой солдатских галет расслабился чайком. Его впервые похвалили за все время пребывания в армии, и это молодому парню... было очень приятно. Через некоторое время Прошка вернулся в депо и принялся свой Т-100 отдраивать от грязных масляных пятен, накипей и копоти. Он безбоязненно разбирал и собирал пушечный затвор, а систему выстрела из танковой двадцатидвух миллиметровой пушки довел до полного ума, чтобы не было никаких осечек или заминок.

Прошка не знал, да и не мог об этом знать, что его появление и работа с танком уже давно находится под наблюдением самого командира дивизии, генерал майора Прошина. Все дело заключалось в том, что в этом танковом депо были собраны новые и секретные танки дивизии. Приписной молодняк туда вообще не допускался, а в депо с танками работали одни офицеры.

Когда телеметрия танкового депо донесла и на экран генеральского монитора вывела несколько глуповатое лицо бойца первогодка. То генерал хотел вызвать караул и его командира приказать, чтобы он арестовал бы этого сопляка. В этот момент генерал Прошин уже совсем собрался идти встречать Новый Год, но на пару минут задержался в кабинете, чтобы разобраться в том, почему тревожная сигнализация не сработала, при проникновении этого салаги в депо.

Генерал Прошин так не вышел к людям, чтобы выпить с ними бокал шампанского, а офицеры его дивизии без жен потихоньку собирались в генеральском кабинете, чтобы понаблюдать за пареньком, совершающим невероятные вещи. Когда он очищал броню от пятен масла, то на поверхности брони появлялась тончайшая, меньше микрона, прослойка, делающую эту броню непробиваемой. Орудийная башня танка под руками этого бойца первогодка приняла вытянутую и подобную крокодилей головы форму, всю испещренную площадками насечками. Когда заместитель командира дивизии по технической части, полковник Петров, на своем компьютере просчитал отражающий угол поверхности стен этой башни, то руками схватился за голову. У него получилось, что орудийная башня стала способно отразить любой вражеский снаряд.

Генерал Прошин приказал лейтенанту Чернышеву найти и отправить старшего сержанта Беглова навестить бойца своего отделения, рядового Ломакина, и посоветовать ему, как можно скорее, заняться двигателем танка. Генерал очень надеялся на то, что Прохор Ломакин и двигатель танка доведет до ума, в чем оказался прав.

Всю вторую половину второго праздничного дня Прошка занимался чисткой дизельного танкового двигателя, но, чтобы он не предпринимал, у него ничего не получалось. Дизельный танковый движок в чистом виде явно не хотел работать. Тогда Прошка сходил в подсобку и хорошо там пообедал, а после обеда его голова всегда хорошо работала. Он начал заново собирать из грязного старого танкового двигателя чистый новый движок. Руки его так и мелькали в воздухе, соединяя различные детали в силовые блоки, механические узлы и агрегаты. И повсюду Прохор внимательно проверял соединения и уплотнения, чтобы не было масляных протечек. Одну деталь боец заказал на стороне и долго ожидал ее прибытия экспресс-почтой. Когда экспресс-почта выплюнула посылку, то Прошка в мгновения ока новый распредвал поставил по месту.

Когда последняя деталь легла на положенное ей место, то рядовой Ломакин заметил, что собранный им движок по размерам оказался раза в полтора меньше первого двигателя. Из-за этого Прошке пришлось много заниматься электросваркой в моторной отсеке Т-100, приваривая дополнительные кронштейны и держатели, но при этом он не пользовался сварочным аппаратом. Рядовому Ломакину показалось слишком уж неудобным работать со сварочным аппаратом, гораздо проще было выпускать сварочную дугу из двух сведенных под углом пальцев руки.

Одним словом, к полуночи рядовой Прохор Ломакин завершил работу по очистке Т-100 от грязи и сейчас в депо этот танк смотрелся прекрасным лебедем на фоне гадких утят. Прохор несколько раз обошел танк, и с каждым таким проходом на душе у него становилось все более плохо и отвратительно. Он больше не желал возвращаться к своей прошлой армейской жизни, повседневно чистить и мыть туалеты в казарме. Но он также хорошо понимал, что ему одному не справиться со своими товарищами по взводу, а ему так не хотелось снова лежать в госпитале после драк с товарищами по взводу.

Прохору Ломакину очень захотелось, оказаться в таком месте, где его никто не трогал бы, а он мог бы заниматься своими любимыми танками и на них драться с врагом. Прошка направился в подсобку, чтобы выпить чайку, а затем отправляться в казарму. Но, когда открыл дверь, то перед ним догорал закат солнца, а под ногами лежала заросшая травой лесная дорога. По инерции Прошка сделал пару шагов вперед по дороге, а за его спиной послышался стук захлопнувшейся двери. Парню потребовалось некоторое время для того, чтобы осознать всю

несуразность своего положения. Когда он развернулся и посмотрел себе за спину, то ничего, кроме леса, там не увидел.

3

Прошка в своей деревенской жизни уже давно привык к тому, что к нему прилипают все имеющиеся на свете напасти, поэтому не стал долго удивляться тому, что неведомым путем оказался на этой проселочной дороге. Главное, что это была не та армия, с которой он не нашел общего языка! Поэтому рядовой Ломакин расстегнул до пуза свою рабочую рубу, снял сапоги со самостирающимися носками портянками, и босяком зашагал по дороге, куда глаза глядят. Но очень скоро ему пришлось остановиться, дорога Прошку привела к широкой и, по всей видимости, глубокой реке. С пригорка было хорошо, что по реке курсировал паром, который перевозил транспортные средства и народ с одного берега и на другой. Но народа нигде поблизости не было видно, а дощатая лодка паром догорала на противоположном берегу реки.

Проход Ломакин немного постоял на берегу реки, он уже прошел километров десять, возвращаться назад было глупо, ничего интересного там уже не было. Все интересное скрывалось на другом берегу, но плыть через такую широкую реку Прошка опасался, как все крестьянские сыны, он умел плавать, но мог уверенно проплыть десять-пятнадцать саженей. Поэтому рядовой Ломакин прежде, чем принять окончательное решение о форсировании водной преграды, решил немного соснуть в прибрежных кустиках.

Он подобрал себе очень хорошее местечко в этих прибрежных кустах и, подложив под голову пилотку, быстро заснул, не обращая внимания, на какой-то странный гул и временами громкую трескотню, доносившиеся практически со всех сторон.

Рядовой Проход Ломакин проснулся от простого человеческого голоса, который раздался от него поблизости, но это был какой-то ему совершенно непонятный голос, с какими-то стреляющими фразами. Это был не русский язык, так как русским языком Прошка владел с детства, вырос на нем и был гражданином великого Советского Союза. От совершенной непонятности вокруг него происходящего, Прошка оторвал от земли голову и еще не совсем выпавшийся вышел из кустика, чтобы осмотреться вокруг и разобраться, что за дела сейчас происходят. Его пилотка и сапоги остались в кустах, а Прошка в танкистском черном комбинезоне вдруг оказался нос к носу с каким-то парнем, который был одет в мышиную цвета военную форму.

Если судить по выражению лица этого парня, то он был страшно удивлен столь неожиданным появлением Прошки Ломакина. Этот парень отступил на шаг, потом весело заржал и, демонстрируя отлично ухоженные белые зубы, наставил свою винтовку на Прошку и пальчиком поманил его к себе, что-то произнося на своем лающем языке:

– Gefährten, schauen Sie, ein zusätzliches Phänomen der russischen Ivan Leute. Anscheinend denn wir ist es notwendiger, gesamter Tag der Gefangener zu erfassen. He, ist Ivan, genügend zu schlafen und dieser Krieg, den Sie verschlafen. Gehen Sie zu uns, arbeiten Sie hier für Sie wird lokalisiert.¹

Прошка ни черта не понял, что произнес этот немец, наконец-то, он только вспомнил, что этот язык учил в сельской школе, преподавательница немецкого языка как-то не совсем так произносила все эти немецкие слова. Поэтому он продолжал стоять, недоуменно помаргивая своими глазами, а немец явно начал терять терпение, задвигал затвором винтовки. В этот момент откуда-то снизу донесся еще один немецкий голос, который что-то посоветовал своему товарищу:

---

¹ – Парни, посмотрите, еще одно явление русского Ивана народу. Видимо, нам придется, весь день пленных собирать. Эй, Иван, хватит спать, а то войну проспийшь. Иди к нам, здесь работа для тебя имеется (перевод с немецкого языка).

– Heinrich, zu Ihnen ist genügend mit den Russen unterhalten zu werden. Wir müssen diese Herde von RAMas zur Behälterunterseite der russischen Abteilung heute abtreiben. Dort finden sie Arbeit durch sie, und wir studieren unsere direkte Angelegenheit. Damit Verfolgung, die nicht hier dieses gekonnt wird zum Krieg russischer Ivan diese ist.²

Прошка Ломакин перевел свои глаза вниз и ахнул от охватившего его удивления. Громадная колонна людей, одетая в знакомую ему военную форму, рассыпалась вдоль берега и пила речную воду. Некоторые ладонями зачерпывали воду, и пили прямо из ладоней, другие же опустили на колени и лакали воду, подобно животным, а некоторые, но их было очень мало, снимали с пояса котелки и ими черпали воду из речной стремнины. Над колонной стоял общий гул удовлетворения, а в колонне было очень много таких же, как он, Прошка Ломакин, парней, русских парней, в голосах которых угадывался звучание русских слов. Наблюдая за этой картиной, любой идиот мог бы догадаться о том, что это немцы перегоняют колонну красноармейцев, но такое случалось только в самом начале последней мировой войны, которую Советский Союз вел с нацистской Германией более восьмидесяти лет назад. Разумеется, в своей провинциальной жизни Прошка Ломакин знал о той Великой отечественной войне. Учитель истории в свое время весь Прошкин класс вывозил в Сталинград, город, совершенно разрушенный той войной.

– Gut das wurde es genug gesehen. Geben, Gefährte, senden ihnen. Krieg für Sie wurde beendet.³

Прошка все-таки умудрился, на секунду нырнуть в кусты и взять свою пилотку и сапоги, которые тут же натянул на босые ноги. Постоянно подталкиваемый прикладом винтовки, Прошка спустился с придорожного пригорка, где его с силой толкнули в ряды колонны пленных красноармейцев. Только этот немец оставил Прошку в покое, как в другом конце колонны послышались хлесткие щелчки выстрелов из винтовок. Приподнявшись на цыпочках, Прошка увидел, какое-то волнительное движение в голове колонны, а затем он увидел, как колонна тронулась с места и начала подниматься прочь от реки. Минут через десять после начала движения головы этой колонны, ряд военнопленных, куда немец засунул Прошку, сделал шаг вперед, а затем второй и третий...

Через десять минут Прошка прошел мимо того места, где на речном песочном берегу лежали четыре трупа молодых парней в форме красноармейцев.

– Так они всегда поступают! Перед началом движения колонны расстреливают нескольких человек. Видимо, в назидании другим, чтобы и не помышляли о побеге. – Кто-то негромко пробормотал за его спиной.

Рядовой Ломакин даже не стал оборачиваться и глазами искать автора этих слов, знал, что не найдет. В этот момент все пленные смотрят только себе под ноги и думают только о своих болячках. Ни в одном из этих пленных не было истинной радости от того, что, оказавшись в плену, они сохранили себе жизнь. Пока эти люди были растеряны случившимся и пытались разобраться в том, как это оказалось, что война только-только началась, а они уже во вражеском плену. Сейчас в небе не было видно ни одного советского истребителя или бомбардировщика. Куда-то исчезли столь знаменитые танки БТ 7 от поступи, которых содрогалась земля. Какой-то вшивый взвод немецких пехотинцев, вооруженный винтовками «Маузер 98к», конвоирует, чуть ли не дивизию пленных красноармейцев.

В ходе этих размышлений что-то дрогнуло внутри рядового Ломакина, сломалось его внутреннее и внешнее равнодушие ко всему окружающему, которое сформировалось еще в годы учебы в сельской школе. Во времени, которое не скоро наступит. У Прошки совершенно

---

² – Генрих, тебе хватит с русскими развлекаться. Сегодня это стадо баранов мы должны отогнать на танковую базу русской дивизии. Там им найдут работу, а мы займемся своим непосредственным делом. Так, что гони сюда этого не умеющего воевать русского Ивана (перевод с немецкого языка).

³ Ну, что насмотрелся. Давай, парень, ступай к ним. Война для тебя окончилась (перевод с немецкого языка).

не болела голова в отношении того, как он вдруг оказался на этой войне, на которой воевали его деды. Сейчас, находясь в рядах колонны военнопленных, он только пытался внутренне собраться и быть готовым к еще большим неожиданностям, которые, наверняка, ожидали на его пути.

Колонна медленно со стонами раненых бойцов, которых оказалось немало, продвигалась вперед по дороге. Прошка обратил внимание на то, что в этой колонне находилась практически одна только двадцатилетняя молодежь, Изредка перед глазами мелькали тридцати или сорокалетние мужики, на которых обмундирование было лучше, но у всех у них были срезаны уголки воротничков или нарукавные знаки различия. Эти командиры явно не хотели выдавать своего звания и явно стеснялись своего положения военнопленного. Они образовали свою маленькую и крепко сбитую группу, в которую никого и, даже политработников, не допускали. Те же пытались разговаривать с бойцами, настроить их на сопротивление врагу, но их никто не слышал и они становились изгоями прямо на глазах всех военнопленных.

Только однажды Прошка увидел полковника РККА, с которым со всеми полагающимися полковничьими шпалами в петлицах на воротничке и на рукаве, проходя мимо, подбадривал бойцов и советовал им беречь силы на будущее. Это был единственный полковник среди десяти тысяч пленных, при приближении которого, красноармейцы вставали и замирали по стойке смирно, на других своих командиров они не обращали внимания. Как Прошка теперь понимал, эти командиры со срезанными знаками различия перестали существовать даже для двадцатилетних красноармейцев. Полковник, который сохранил свой авторитет командира, проходя мимо рядового Ломакина, вдруг остановился, коснулся рукой его плеча и сказал:

– А ты, парень, настоящий танкист! Постарайся таковым и до конца своих дней оставаться!

Полковник давно уже исчез в рядах колонны, а Прошка Ломакин шел и думал о том, что судьба, прикосновением руки этого полковника, каким-то образом его отметила и дала ему имя «Танкист», которое он должен с гордостью носить до конца своей жизни.

Глава 2

1

Под вечер эту гигантскую колонну русских военнопленных немцы начали разбирать на отдельные команды. Сначала от колонны отпочковывались целые и большие, до тысячи человек, группы военнопленных, которые сворачивали на другую дорогу и исчезали в пелене пыли, поднимаемых ногами людей. Когда колонна остановилась на ночь, то гигантское колхозное поле, на котором расположились военнопленные, оказалось радиофицированным. Время от времени из репродукторов над полем проносилось:

– Aufmerksamkeit, die Soldaten, желающие поработать на овощебазе, проходить für die Ausrichtung zum Leiter des Befehls.

С земли поднимались военнопленные красноармейцы и шли в сторону, откуда им махал маленький немец, знаток русского языка. Таким образом, медленно и верно русские военнопленные растаскивались по разным местам и временным лагерям для пленных красноармейцев.

Прошка своим сельским знанием немецкого языка из разговора двух унтер-офицеров, проходивших неподалеку от него, понял, что командир немецкой дивизии, взявшей столько военнопленных, сейчас находится в бешенстве, в его дивизии не оказалось ни продуктов, ни воды для такой массы народа. Вот он и связался с командирами других немецких дивизий, вдруг которым потребуется бесплатная физическая сила для решения насущных вопросов.

В этот момент из черных репродукторов вдруг послышалось:

– Внимание пленным русским солдатам, срочно требуются танкисты для ухода за танками!

Ноги сами подняли тело Прошки Ломакина и понесли его к красноармейцу, который держал микрофон в руках. На это приглашение к танкистам откликнулось человек пять-шесть, не больше.

– Ну, и хорошо, парни, что вас танкистов так мало, больше жратвы каждому достанется. За вами, вот тот толстенький фельдфебель приехал! Der Sergeant-Haupt Herr, dieser ist Ihr Befehl. Kann es wegnehmen!

Подошедший фельдфебель неожиданно заговорил на хорошем русском языке:

– Хватит тебе трепаться, язык без хребта, как и твой хозяин. Почему так мало пленных, мне три десятка танкистов нужно! Плохо работаешь парень...

– Извините, господин фельдфебель, как вы просили, так я и объявил по радио, но пришло только шесть человек.

– Значит, плохо людям объяснил. Дай микрофон, я сам объявление сделаю, рыло немытое.

Через минуту над полем с военнопленными послышался голос немецкого фельдфебеля:

– Господа, бывшие солдаты! Одному танковому учебному центру требуется команда, члены которой будут помогать немецким мастерам, ремонтировать захваченную вражескую технику и убирать помещение. Питание три раза в сутки, нормированное.

Красноармейцы в общей толпе тяжело поднимались с земли и шли на регистрацию в команду. Прошка, стоял в сторонке и внимательно наблюдал за всем вокруг него происходящим. Когда набралось человек тридцать добровольцев из военнопленных, то толстый фельдфебель удовлетворенно хмыкнул, но в этот момент с земли поднялись еще трое раненных, за которыми Прошка давно уже наблюдал и никак не мог разобраться в том, кто же они были по военной специальности. Но парни, несмотря на свои ранения, вели себя независимо и обходились без чужой помощи, помогая друг другу. Один из этих красноармейцев имел ранение в голову. Видимо, серьезное, так как сам плохо держался на ногах. Двое других имели ранение

в плечо и в грудь, но они уверенно держались на ногах и все время помогали бойцу, раненому в голову.

Немецкий фельдфебель, было, дернулся этой тройке навстречу, чтобы не допустить ее в свою формирующуюся команду. Но увидев танковые петлицы одного из раненых бойцов, остановился и, повернувшись к Прошке, приказал:

– Ну, а ты, салабон, помоги этим парням. Если с ними что-либо произойдет, то тебе будет плохо в первую очередь!

Вскоре другой немец подогнал старенький грузовичок Опель-блиц, открыл его задний борт и приказал, пленным собравшейся группы забираться в кузов. Но первому же ринувшемуся в кузов красноармейцу, Прошка сунул кулак по нос и мрачно сказал:

– Обождь, сначала раненых погрузим!

И сам он сильно удивился вдруг наступившему уважительному молчанию. Сначала ловко вспрыгнул в кузов сам, а затем попросил ребят по-очереди передавать ему раненых. Раненого в голову уложил вдоль кабины, а его товарищей посадил на лавки таким образом, чтобы они имели возможность помогать друг другу. Только после этого и остальные военнопленные заполнили кузов грузовика, но сидячих мест на лавках всем все же не хватило. Примерно, одной трети пришлось остаться на ногах, держась руками об обрешетку кузова для брезентового тента, но в тот момент самого тента не было. Прошка решительно поднялся на ноги и прошел назад к заднему борту грузовика, уступив место красноармейцу, выглядевшему совсем изможденным и больным человеком.

Фельдфебель, ни слова не говоря, открыл кабину и сел на пассажирское место рядом с водителем, Опель-блиц тут же тронулся с места. Прошка стоял и обеими руками держался за верхнюю обрешетку, в этот момент он видел только убегающую из-под грузовика дорогу и столб пыли, поднимающийся от его колес. На полном ходу и, не останавливаясь, они проскочили какой-то городок. Уже на выезде с большим трудом Прошке удалось рассмотреть поврежденный взрывом снаряда дорожный указатель «Л.да». Не трудно было догадаться о том, что это был небольшой белорусский город Лида и что их грузовик направляется в Литовскую Советскую Республику. Совсем уже начало смеркаться, когда грузовик по сохранившемуся бетонному мосту перемахнул широкую реку. Неман, сонно подумал рядовой Ломакин, который, не смотря на то, что на отлично сдал курс школьной географии, сейчас был способен только на то, чтобы из всех названий литовских рек вспомнить название этой великой литовской реки. К полуночи все пленные красноармейцы в кузове грузовика крепко спали, образовав переплетенную между собой свалку из человеческих тел. Никто из них не видел огни литовских городов, проносящихся за бортом немецкого грузовика.

Прошка Ломакин с громадным трудом, ему ужас как хотелось спать, поднял веки глаз, чтобы сообразить, что грузовик прибыл на конечную остановку своего путешествия. Опель-блиц с выключенным двигателем стоял у какого-то серого здания в несколько этажей, окна которого, словно не было войны, светились электрическим светом.

– Як добре, лежебoki, відновлення і один проходять в казарми руками, підняті. Там ви шукали і якщо знайшли, продовжує а спати. І якщо ви знайти щось не точно, rasstrelâem на місці! Крім того, Бадж собака лайно!⁴

Прошка проследил за тем, чтобы с ранеными парнями обошлись бы должным образом, чтобы особого вреда не причинили. Украинские мужики с какими-то желтыми повязками на руках особо злобными личностями себя не проявили, они, как и пленные, страшно хотели спать в это столь раннее утро, поэтому особо не молотили прикладами направо и налево.

---

⁴ А ну, лежебоки, подъем и по одному переходим в казарму с поднятыми руками. Там вас обыщут, и если не найдут оружия, то продолжите и дальше спать. А если обнаружат, то не взыщите, расстреляем на месте! А ну, шевелись, дерьмо собачье! (перевод с украинского языка).

Прошка опять-таки последил за тем, как пришли еще шесть украинцев, уложили на носилки и куда унесли его подопечных раненых. Только после этого он с чувством исполненного долга отправился спать вслед за своими товарищами по плену. Когда он появился в общей спальне, то очень удивился тому, что это помещение прямо-таки взято из ставшей ему родной армейской казармы.

Следующим утром рядовой Ломакин проснулся первым. Он был из тех людей, которые ложились спать пораньше и просыпались с первыми лучами солнышка над горизонтом. Вот сегодня Прошка и проснулся. Как только первые лучи солнышка показались над горизонтом. Полежав и поворочавшись на своем топчане, Прошка натянул рабочую робу в форме комбинезона и вдруг вспомнил, что этот комбинезон имеет некоторые устройства, пока еще не известные в этом мире, плеер CD, радиоприемник на чипах, и небольшой планшет компьютер Айпэд. Он хотел было с утра послушать хорошую музыку, но вспомнил, что во время Великой отечественной войны не было ни всемирной информсети, ни музыкальных радиоканалов. Он решил также пока не включать радиоприемник, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Поднявшись на ноги, Прошка хотело немного прогуляться и осмотреть место, куда они ночью прибыли. Но все двери в помещении были загромождены ящиками и столами, закрыты на громадные амбарные замки. Только одна дверь функционировала, но ее охраняли сразу три украинских охранника, которые, якобы, ни слова не понимали по-русски. При приближении Ломакина, они начинали шевелиться, направляли на него свои винтовки и вполголоса говорили:

– Не добре, що ти, хлопцеь може спокійно сидети. Крім того, від оттути!

А через грязные и во многих местах разбитые стекла трудно чего можно было разглядеть, аллея и какие-то небольшие серые здания по обеим ее сторонам. Несколько зданий скупковались на центральной площади, они были добротными, но какими-то злыми и нехорошими, как показалось Прошке Ломакину. Но, больше всего парня поразили, стоящие в отдалении, какие-то вышки с пулеметами, уж очень они что-то Прошке напоминали. Однажды в школе он целую книгу о концентрационных лагерях прочитал, в которых содержали, мучили и убивали юных коммунистов. Так, вот эти строящиеся вышки были очень похожи на пулеметные вышки того концентрационного лагеря.

В этот момент на одной из дорожек появился толстенький фельдфебель, который с улыбкой на губах направлялся к их зданию. По этой улыбке, и по вальяжной походке, можно было бы судить о том, что эта немчура была довольно своей службой и жизнью. Издали заметив появление лейтенанта, фельдфебель мгновенно изменил на деловое выражение своего лица. Сделав несколько строевых шагов, он по стойке смирно замер перед лейтенантом. Тот небрежно кивком головы ответил на приветствие вытянувшегося перед ним фельдфебеля и что-то негромкое тому произнес. Выслушав лейтенанта, фельдфебель ловко щелкнул каблуками начищенных до гуталинного блеска ботинок и произнес нечто вроде того:

– Яволь, господин лейтенант!

В этот момент по всей этой непонятной территории разнесся сигнал общей побудки, подаваемый горном. Военнопленные за спиной Прошки начали просыпаться и, разыскивая свою одежду, одеваться в армейском темпе. Но в какой-то момент этого процесса парни вдруг вспоминали о своем положении военнопленного и что им некуда спешить. Они тут же замедляли темп процесса одевания, а некоторые даже застывали под грузом тяжелых размышлений. Впервые на многих лицах молодых красноармейцев Прохор Ломакин увидел растерянность и нерешительность. Эти парни покинули дом и пошли служить в армию, чтобы бороться за всеобщую революцию во всем мире, за счастливое будущее человека, как вдруг, совершенно неожиданно для себя, оказались пленными в руках врага. Многие из них даже не получили в руки винтовки, чтобы хотя бы один раз выстрелить в сторону врага.

Прошка стоял у окна спальни казармы и, развернувшись лицом к своим товарищам по несчастью, пленным красноармейцам, внимательно наблюдал за поведением и переживаниями своих новых товарищей. Неожиданно громко проскрежетал ключ в замке одной из дверей, справа от Прошки, и в помещение казармы на свободное место прошел толстенький и опять улыбающийся, вечно довольный собой немецкий фельдфебель, которого на этот раз сопровождали несколько солдат вермахта с оружием в руках.

2

Рядовой Прохор Ломакин попал в только сформированную группу военнопленных красноармейцев, которая должна была заниматься расчисткой грязевых завалов военного городка 2-й танковой дивизии РККА, стоявшей в литовском городке Укмерге, расположенном в семи-десяти километрах от Каунаса. Эта дивизия в первый же день войны спешно покинула этот военный городок, оставив ремонтные мастерские, заваленные никому не нужным барахлом и грязи.

В первый день работы пленных красноармейцев заставили работать по освобождению от ненужного домашнего барахла домиков, в которых проживали семьи командиров различного ранга этой танковой дивизии РККА. Работа была простой, но очень уж нервной, так как молодые военнопленные работали под началом фрау и фройлян, а у тех было семь пятниц на неделе. Но зато эти фрау и фройлян кормили молодых парней на убой.

Второй день был занят расчисткой учебных помещений, там фрау и фройлян уже не было, поэтому кормиться приходилось ходить общим строем в столовую, где готовили украинские кашевары из полицейских. Их целую роту полицаяв сняли с Ужгорода и срочно перебросили сюда на охрану военного городка, Немцы этот военный городок 2-й танковой дивизии РККА запланировали превратить в учебный центр по переучиванию немецких танкистов воевать на советской бронетехнике. Курсанты еще не появились, а советские трофейные танки уже завозили автотранспортерами, так как некоторые из танков оказались не на ходу из-за различных повреждений. Каждый день прибывало от восьми до десяти автотранспортеров с грузом, разгрузкой которых занимались только немецкие технические специалисты.

Третий и четвертый день все тридцать подсобных рабочих занимались очисткой ремонтных мастерских и технических помещений бывшего военного городка, а теперь немецкого учебного центра. Это было настоящей головной болью, столько грязи и столько ненужных деталей и инструментов валялось на земле в полнейшем беспорядке! Сначала за каждым военнопленным присматривал немецкий специалист, который даже нагибался и поднимал с пола какой-нибудь брошенный инструмент или деталь. Но уже через час немцы на все махнули рукой и приказали военнопленным выбрасывать все подряд, вплоть до вконец раздолбанных токарных и фрезерных станков ремонтных мастерских.

На пятый день тридцать военнопленных строем и под конвоем в десять украинских полицейских водили в литовский городок Укмерге, где целый час они в городской бане отмывались от накопившейся грязи. Столько украинских полицейских было выделено в конвой не из-за того, что немцы боялись, что русские военнопленные разбегутся, а для того, чтобы украинцы их защищали от происков местного населения. Прошка впервые лично столкнулся с такой антирусской настроенностью литовского населения, уже, будучи внутри бани к нему полез драться какой-то литовский парень лет восемнадцати. Причем, литовцу почему-то очень хотелось убить этого русского парня, а когда он сообразил, что ему не под силу этого сделать, слишком уж силы мастерство рукопашным боем были неравны, то литовец впал в какой-то странный транс и сам едва не помер.

На шестой день из Германии привезли новое токарное и фрезерное оборудование, новые танковые пушки и пулеметы. Сначала монтировалось оборудование, а затем начались ремонтные работы и работы по перевооружению русских пленных танков. Военнопленных красноармейцев снова распределили по немецким мастерам, которые должны были работать в ремонтных мастерских, занимаясь ремонтом трофейной бронетехники и обучением немецких танкистов тому, как следует обращаться с этой советской бронетехникой. Для подноски инструментов и ремонтных материалов, а также производства черного ремонта, каждому немецкому мастеру в помощь выделили по одному пленному бойцу красноармейцу.

Рядовой Прохор Ломакин был выделен в помощь для ремонта русских танков КВ мастеру-инструктору по бронетехнике Гюнтеру Винтеру. Они в течение двух дней должны будут отремонтировать первый танк КВ, поменять его оружие на немецкое вооружение. А затем в течение двух недель Гюнтер Винтер должен был учить немецкий экипаж тому, как следует сражаться на этом тяжелом танке. Обо всем этом Гюнтер Винтер рассказал Прошке Ломакину через переводчика, сразу же посоветов своему русскому помощнику в ближайшие же дни изучить немецкий язык, а то иначе вместе они работать не смогут. Мастер-инструктор, по его же словам, всегда работал только с теми людьми, кто хорошо знал не только свою бронетехнику, но и свободно владел немецким языком.

Этот разговор с немецким мастером на Прошку произвел двойственное впечатление, в душе ему совершенно не понравилась внешнее безразличие к нему и его судьбе, которое продемонстрировал этот немец Гюнтер Винтер. Ну, какому человеку, даже если он молодой и еще не познавший жизни парень, понравиться почувствовать себя в положении чужой и рабской собственности! Но в тоже время он чувствовал, что этот немец многое знает и умеет. Что же касается немецкого языка, то в какой-то мере он был согласен с этим немцем, как можно было бы чему-либо научиться, если не будешь понимать, что тебе будет говорить мастер.

Поэтому Прошка вспомнил, что ему в таких случаях советовала делать его же собственная бабка Евдокия, оставшаяся в далеком будущем. Он напрямую подключился к сознанию своего мастера Винтера, чтобы заранее знать о том, что же думает и чего хочет ему сказать этот немец мастер.

Сразу же после получения военнопленного Прошки, в качестве своего личного раба, Гюнтер Винтер отпустил переводчика и вместе со своим рабом-помощником направился осматривать танковые ремонтные мастерские.

Через полуоткрытые ворота они прошли в громадное помещение мастерских и замерли на пороге, чтобы полюбоваться общей панорамой, раскрывшейся перед их глазами. Гюнтер Винтер чисто из немецкого практицизма осматривал помещение, в котором ему теперь предстояло руководить и работать.

А Прошка в эту минуту вдруг оказался поражен тем обстоятельством, что раскинувшаяся перед ними панорама вдруг напомнила ему панораму другого танкового депо и ремонтных мастерских, которую он увидел в своей прошлой жизни. Тогда он тоже впервые переступил порог танкового депо и перед собой увидел тридцать танков Т-100. Его танк, на котором ему предстояло служить, тогда стоял крайним справа, вот и сейчас единственный большой танк, название которого он даже и не знал, стоял крайним справа, а все остальные танки в этом ряду ему были хорошо знакомы, это были Т-34. В помещении мастерских уже были люди, которые суетились вокруг Т-34 и их внимательно осматривали, рядом с людьми в немецкой аккуратной полувоенной форме, мелькали грязное и порванное обмундирование пленных красноармейцев.

– Грязные свиньи, – в этот момент Прошка услышал, что думает его мастер инструктор Гюнтер Винтер, – не могли своих помощников переодеть в чистую рабочую одежду. Всем им дополнительный приказ нужен!

В этот момент появление Гюнтера Винтера на пороге мастерских было замечено другими людьми в полувоенной форме, которые толклись рядом со своими танками. По помещению ремонтных мастерских пронесся негромкий крик:

– Aufmerksamkeit Herren sind die Offiziere, für den Gruß des Leiters der Reparaturwerkstätten, Kapitän Gunter Winther, durch alle, zum ruhig zu stehen!⁵

---

⁵ – Внимание господа офицеры, для приветствия начальника ремонтных мастерских, капитана Гюнтера Винтера, всем стоять смирно!

Движение людей в полувоенной форме моментально прекратилось, они вытянулись, приложив ладони рук к бедрам, и свои лица повернули к капитану Гюнтеру Винтеру. Тот небрежно козырнул в ответ и негромко произнес в ответ:

– Здравствуйте, господа мастера. К завтрашнему дню своих русских помощников переодеть в чистую рабочую одежду, которая имеется на складе. Вечером встретимся на вечернем совещании, где обменяемся мнениями, как нам лучше и быстрее выполнить задание родины и главного командования вермахта. Продолжайте работать господа, вы свободны!

Капитан мастер Гюнтер Винтер прошел к правому крайнему танку и начал нарезать медленные круги вокруг этого тяжелого танка. Прошка Ломакин стоял неподалеку, вытянувшись по стойке смирно, глазами поедал немецкого офицера мастера.

– Ты, когда-нибудь слышал или видел это страшилище?

Не оборачиваясь, капитан Гюнтер Винтер поинтересовался у Прошки Ломакина.

– Никак нет, господин офицер! – На чистом русском языке ответил бывший рядовой танкист Советской Армии 21-нр века, Прохор Ломакин.

– Ну, что ж пора начинать работать! Пойдем, переоденемся!

При танке имелось подсобное помещение, а также две двери, в одну из которых прошел капитан Гюнтер Винтер, а Прошка, действуя большей частью по наитию, взялся за ручку и открыл вторую дверь. За дверью оказалась раздевалка, в которой имелся шкафчик, на проволочных плечиках которого висела поношенная форма красноармейца. В эту красноармейскую форму в мгновения ока переоделся Прошка и сразу же выскочил из раздевалки. Капитан Винтер еще не выходил из своей раздевалки. Тогда Ломакин вышел в мастерскую и, быстрым взглядом окинув рабочее место, рядом с инструментальным шкафчиком выбрал для себя постоянное место. Где он бы не мешал работе мастера.

Вскоре появился, что-то себе насвистывающий, капитан Винтер, который сразу же глазами нашел Прошку, подумал, и тут же одобрительно кивнул головой. Видимо, капитану понравилась идея Прошки не толкаться без дела на рабочем месте. Гюнтер Винтер переоделся в поношенную форму немецкого солдата без знаков различия. Он ловко, почти без разбега, взбежал на корму танка и, открыв верхний люк, осмотрел внутреннее помещение башни. Обернулся и, рукой поманив к себе Прошку, тому приказал:

– Очистить башню от всего ненужного, сидений для членов экипажа, оружия, органов управления оружия, прицелами. Все ненужное выбрасывать за борт, вечером его соберут и уберут специальные рабочие. Работы много, но работать надо очень быстро. Если, что заржавело, то срубай зубилом, а не отворачивай болты. Ты зачищай башню, а я займусь дизельным двигателем.

С этими словами капитан Винтер спрыгнул с танка и отправился в раздевалку, видимо, за какими-то инструментами. А Прошка юлой ввинтился в люк башни, чтобы осмотреться и решить, какие инструменты ему потребуются для выполнения работы. Аккумуляторы танка, видимо, совсем сдохли, и, сколько бы Прошка не щелкал выключателем, внутреннее освещение не загоралось.

3

К концу рабочего дня Прошке удалось в какой-то мере очистить башню танков от всего «лишнего». По крайней мере, были выброшены за борт все артиллеристские приборы наведения орудия и ведения из него огня, радиоаппаратура. Но работа в целом у него продвигалась с огромным трудом, Прошке все время казалось, что этот танк всеми имеющимися у него силами сопротивляется той разрушительной работе, которую он начал сегодня утром. Но сколько бы Прошка не притрагивался к корпусу башни, никаких ответных сигналов на свое желание установить контакт с танком не получал. Но когда он перешел к демонтажу заднего пулемета, то окончательно убедился в том, что танк всеми своими силами сопротивляется своему разоружению. Он так и не смог проделать простейшей операции, вытащить пулемет из шаровой опоры, казалось бы очень простая для разборке вещь, но пришлось все ломать и корезить.

К тому же в самые первые же часы совместной работы неожиданно выяснилось, что внешне ко всему безразличный капитан Винтер, оказался психологически неустойчивым типом. Он постоянно вступал в работу своего помощника, давая непрекращающиеся советы о том, как сломать или демонтировать то или иное устройство. Это Прошке очень действовало на нервы и отрывало от реальной работы, ему хотелось знать, что, если он выбрасывает советскую радиоаппаратуру, то какая немецкая рация будет устанавливаться в танке, но капитан Винтер не отвечал на какой-либо вопрос или делал вид, что его не понимает. Он даже не сказал, что это за танк. После нескольких неудачных попыток разъяснить тот или иной вопрос, Прохор Ломакин решил больше немцу вопросов не задавать, а уже самому доходить до сути дела.

Он начал внимательно ко всему присматриваться, но только через пару часов начал видеть кое-какие несуразности в устройстве башни этого тяжелого и внешне очень красивого танка. После некоторых поисков, он узнал и его название «КВ» или «Клим Ворошилов», первый массовый тяжелый танк РККА.

Боевые качества этого танка КВ сильно снижали неудачная конструкция и компоновка башни, расположения в ней трех членов экипажа, а также отвратительный обзор из танка. Командир танка сидел, справа от орудия, одновременно выполняя обязанности заряжающего орудия. Наводчик находился слева от орудия и, помимо осуществления наведения орудия, специальным штурвалом вручную вращал башню. Третий член экипажа обслуживал кормовой пулемет. Единственный башенный люк размещался над местом наводчика, поэтому командир танка даже не мог высунуть головы из машины, чтобы осмотреться кругом.

Командир танка не только подавал снаряды к орудию, но и обслуживал спаренный с пушкой танковый пулемет Дегтярева калибра 7,62 мм. Задача командира танка сильно осложнялась из-за невероятно скверного размещения боезапаса. Первые десять выстрелов подать к орудию было относительно просто, они размещались в башенной нише. Остальной боезапас хранился на полу в 44 ящиках, каждый из которых вмещал по два снаряда, и сверху ящики были покрыты резиновыми ковриками. Нормальный боезапас танка составлял сто сорок два выстрелов снарядами калибра 76,2 мм. Во время боя на полу танка черт мог ногу мог сломать в той мешанине из открытых ящиков, разбросанных ковриков и стреляных гильз.

Прошка был потрясен всеми этими своими открытиями, но не побежал делиться впечатлениями к своему мастеру, капитану Гюнтеру Винтеру. Он сидел на броне танка и внимательно рассматривал свои руки, которые оставались розовыми и чистыми из-за прорезиненных перчаток, в которых проработал целый день. Прохор Ломакин сильно переживал из-за того, что этот танк так и не допустил его до себя, по-прежнему, его рассматривал вражьей силой разрушителем. В этот момент подошел Гюнтер Винтер и сразу же поднялся на танк, что посмотреть и оценить работу своего помощника. Спрыгнув с танка, он подошел к Прошке и сказал:

– Сейчас ты свободен и можешь отдыхать. Завтра придёт оборудование, которое можешь монтировать в башню по той схеме, которую завтра же от меня получишь.

Затем развернулся на каблуках и отправился в раздевалку переодеваться. Прошка поднялся на ноги, с танка посмотрел ну кучу выдранного им с ключьями оборудования, безобразной кучей тут и там валяющегося на чистом и бетонированном полу мастерских. Спрыгнул с танка и тоже пошел переодеваться в раздевалку. В столовой уже никого не было кроме украинских полицейских, только что вернувшихся с дежурства. Кашевары, молча, навалили в миску Прохора постной кашей, а один из полицейских швырнул ему в кашу шмат хорошо начесоченного сала.

Забившись в дальний угол столовой, Прошка сидел и неторопливо ел свою кашу с салом. Одновременно он размышлял о своем будущем. В принципе, ему понравилась сегодняшняя работа с нашим танком КВ, он мог стать отличным специалистом в этой области. Но ему страшно не хотелось работать на врага своей родины, от одной мысли, что на его танках немецкие танкисты будут уничтожать его собратьев по оружию, его аж всего передернуло и зазнобило. Из этой ситуации было только два пути. Если он откажется работать, то его, наверняка, расстреляют, это плохой и не для него путь. Остается последнее, попытаться бежать из этого немецкого учебного центра. Прошка совсем мало времени провел с пленными красноармейцами, но из подслушанных их рассказов понял, что литовцы, это не те люди, чтобы скрывать и помогать бежавшему из плена красноармейцу.

Поэтому на данную минуту у Прохора Ломакина имеется только одна возможность, бежать из этого центра на танке, который позволит ему пересечь Литву и прорваться в Белоруссию, а там добрые люди, наверняка, помогут бежавшему из плена красноармейцу. Но тут перед ним встает одна серьезная проблема, до настоящего момента у него не появились и, вряд ли, у него появятся друзья-приятели среди пленных красноармейцев. Всем они расплынены и работают только со своими немецкими мастерами, на поиски напарника и его уговоры у него нет времени. Его бегство должно состояться в течение ближайших трех дней, после этого к отремонтированному танку он не сможет и близко подойти, танк будет находиться в распоряжении немецких танкистов.

Пожинав, Прошка, вместо общей спальни в казарме, отправился спать в свою раздевалку в ремонтных мастерских. Охранники, украинские полицейские, зная о том, что он является помощником капитана Винтера, начальника мастерских, безропотно его пропустили в раздевалку. Плотным прикрыв дверь за собой, Прошка достал свой планшетник Ай-под и нажал кнопку включения, загорелся экран монитора, и на нем появилась виртуальная клавиатура. Пальцами парень набрал запрос: «тяжелый танк КВ и его устройство», некоторое время экран померцал, а затем на нем стали появляться техническая информация, схемы различных блоков и подсоединений. Прошка легко передохнул, слава богу, что в оперативной памяти сохранилась информация по всем танкам, которые он изучал и просматривал перед уходом на службу в армии в своей прошлой жизни.

С планшетником Ай-под Прошка проработал до глубокой ночи. Он взял схему устройства башни танка Т-100 и попытался ее видоизменить и приспособить под размеры башни КВ. Причем он старался, чтобы механизмы получились бы упрощенными и легко понимаемыми техническими специалистами сегодняшнего времени, чтобы автоматика не зашкаливала бы сложностью своего изготовления на производстве.

Уже под самое утро, чтобы не выглядеть совсем не выспавшимся человеком, Прошка прикорнул на неудобном диванчике в своей раздевалке. Но за полчаса до появления капитана Винтера, он уже возился в башне танка КВ, что-то там изменяя и проверяя.

Мастер-наставник Гюнтер Винтер перешагнул порог ремонтных мастерских точно в семь часов тридцать минут и сразу же своим зорким оком окинул все танки, стоявшие в ремонтных боксах. Восемнадцать Т-34 стояли и спокойно ожидали своих ремонтников, но с девятнадца-

тым тяжелым танком КВ уже кто-то возился, была приподнята крышка башенного люка. Тут капитан Винтер несколько изменил своим правилам начала работы, вместо того, чтобы идти переодеваться, он подошел к КВ. А затем легко по-юношески вспрыгнул на танковую броню, чтобы заглянуть в люк башни, поинтересоваться, чем это там этот его русский помощник занимается? Тот ладонью измерял какой-то угол наклона внутренней стены башни и в задумчивости почесывал свой крепкий крестьянский затылок. Сначала этот русский парень не заметил появления своего немецкого наставника, и он сильно вздрогнул, когда капитан Гюнтер Винтер у него вежливо поинтересовался:

– Чем ты тут, русская свинья, занимаешься без моего разрешения?

Парень, его, кажется, звали Прошкой, сильно вздрогнул и вскочил на ноги, чтобы вытянуться и, приложив руки к бедрам, рапортовать своему мастеру наставнику. Но он не соизмерил высоты внутренней крыши башни танка и своего роста и, сильно приложившись головой о металл башни, начал заваливаться на бок, потеряв сознание. Негромко выругавшись про себя, не очень-то хорошее начало рабочего дня, капитан Винтер выпрямился и осмотрелся вокруг. Работа в мастерских уже началась, тогда он окриком подозвал двух русских военнопленных и приказал им достать из башни потерявшего сознание их товарища и перетащить его в раздевалку. Парни относительно быстро вытащили своего товарища из башни и на руках понесли его в раздевалку. В этот момент из рук Прошки выпал какой-то лист бумаги с начертанными схемами. Направляясь в свою раздевалку, интуитивно капитан нагнулся, поднялся этот лист с пола и понес его с собой в раздевалку.

Дежурный немецкий фельдшер мгновенно привел Прошку в сознание, густо измазав зеленкой его затылок с большой кровоточащей ссадиной. Прикрыв ярко зеленое пятно кепи, Прохор вернулся в рабочий зал ремонтных мастерских и, став на свое постоянное место, начал ожидать появления своего мастера наставника Винтера. Тот задержался на целых тридцать минут и появился в рабочем зале с листом бумаги с нанесенной на ней схемой компоновки башни КВ, которую Прошка проработал прошлой ночью. Немец не стал трясти этой бумагой перед носом Прошки, не стал выяснять, откуда он взял эту схему компоновки, а только поинтересовался тем, сколько же ему времени потребуется, чтобы переделать башню КВ под эту схему.

Подумав, Прошка ответил:

– Если все запчасти будут под рукой за день – два управлюсь, но мне нужно будет помощь.

– Хорошо, тогда начинай работать по своей схеме, помощника я тебе сейчас подыщу. А что касается запасных частей, то сегодня вечером нам подвезут все, что имеется на складах вермахта. Нам еще придется переделывать рабочее место механика-водителя и этим тебе придется заниматься еще один день. У меня слишком много работы по двигателю, большая мощность, но по дурному расходуется. Танк не летает, а едва ползает. Будет у тебя время, посмотри, может быть, что-нибудь на ум и придет.

Первым же делом Прошка решил прорезать еще одно дополнительное отверстие в крыше танка над будущим местом командира танка. Из инструменталки он притащил сварочный аппарат и принялся за работу. Мощи этого сварочного аппарата явно не хватало на то, чтобы справиться с танковой броней. Тогда, прикрывая телом свои действия, Прошка совместил большой и указательный пальцы своей правой руки вместе, между ними появилась мощная электросварочная дуга, которой начал резать броню, словно масло. Вскоре тяжелый металлический блин шлепнулся на дно башни. И в этот момент послышался незнакомый голос:

– Позвольте представиться, лейтенант Мальцев направлен вам в помощь.

Глава 3

1

Прошка стоял несколько в стороне и наблюдал за тем, как мастер наставник Гюнтер Винтер тщательно проверял качество его работы, проделанной им за сегодняшний день. Они еще не получили всех материалов, деталей и готовых узлов с танковых складов вермахта. Но, благодаря результатам сегодняшней работы, уже хорошо просматривалась новая компоновка башни танка КВ. По правому борту, в промежутке между бортом башни танка и семидесяти шести миллиметровым орудием уступами расположатся места, внизу, наводчика орудия, а верху – командира танка. Над головой командира танка появится еще одна дополнительная стандартная немецкая командирская башенка, в которой разместятся приборы наблюдения и ориентации, с тем, чтобы экипаж легче ориентировался бы на поле боя.

И люка показалась лысая голова капитана Винтера:

– Очень карошо, вьюноша! – Сначала он проговорил на русском, а затем продолжил на немецком языке. – Теперь я полностью поверил в то, что ты предложил рабочий вариант компоновки этой башни. Так, что завтра привезут все нами запрошенные материалы, завершай работать с башней и переходи на рабочее место механика-водителя, а я к этому времени доведу до ума дизельный двигатель. И тогда нам останется только пополнить боезапас танка, да и залить солярку в топливные баки.

Новый помощник, лейтенант Мальцев, очень старался помогать Прошке, но на все, что он оказался способен, так это что-нибудь ломать, но не делать. Сегодня он полностью раскурочил отсек механика-водителя, и снова вокруг КВ валялись обрывки проводов электропроводки, останки сидения, и останки приборов наблюдения. В принципе, Прошка был доволен работой лейтенанта Мальцева, но ломать – это не работа, а ему следовало уже подумать о настоящем спутнике для своего побега. Вот Прошка и оставил решение вопроса о Мальцеве до вечера, когда тот заснет, то он попытается проникнуть в его сознание и выяснить, что это за человек, чем занимается и как в плену оказался.

Проводив взглядом капитана Винтера, который вместе с семьей расположился в одном из семейных домиков бывшего военного городка. Гюнтер Винтер завтракал и ужинал только дома, вот и сейчас он отправился ужинать домой. Его жена была такой пунктуальной немкой, как и ее муж, поэтому она устраивала домашние скандалы, если муж, хоть на минуту, опаздывал домой на ужин.

Вдвоем с Мальцевым они неторопливо побрели в столовую, где в это время обедали все русские военнопленные. Опять была постная гречневая каша, но украинского сала на этот раз было, пришлось вчерашнюю и холодную кашу запивать горячим чаем. Еще проходя по столовой, Прохор обратил внимание на то, что лейтенанта Мальцева поднятием руки поприветствовал еще один военнопленный, который сидел за столом с тремя другими пленными красноармейцами. Неожиданно для самого себя он вспомнил о трех раненых красноармейцев, которых опекал, и заинтересовался лейтенанта о том, а где же их третий товарищ.

– Умер от раны в голову. Немецкий фельдшер решил, что его не нужно отправлять в госпиталь на операцию, а он сам зашьет рану на голове Володьки. И зашил... только насмерть. Чего-то там не так сделал, то ли вовремя не анестезировал рану, и пошел сепсис. То ли рана на голове Володьки была столько обширна, что ее нельзя было зашивать одним стежком. У немцев, когда дело касается их самих, правды никогда не узнаешь. Вот и умер советский танкист Владимир Польских, так ни разу не повоевав на своем тяжелом танке.

Прошка удивленно воззрился на своего нового товарища. Тот, заметив этот удивленно-вопросительный взгляд своего нового товарища и, медленными движениями ложки поедая свою холодную кашу, решил продолжить свой рассказ.

– Ты, наверное, видел нас троих раненых в колонне военнопленных?! Наша тройка состояла из раненных командиров РККА, капитана Польских, пусть земля ему будет пухом, младшего лейтенанта Сергея Мышенкова и меня, лейтенанта Алексея Мальцева. Мы случайно все трое встретились на железнодорожном вокзале Каунаса утром двадцать второго июня. Прибыли из Киева одним поездом, но разными вагонами. Когда поезд остановился, то каждый из нас вышел на перрон и сразу же обратил внимание на какую-то непонятную суматоху, творящуюся на этом вокзале. Все кричали и пытались куда-то бежать, а нам бежать было некуда, мы должны были отметиться у военного коменданта, получить у него автотранспорт и разъехаться по своим воинским частям. В какой-то момент я остановил литовскую женщину и поинтересовался, а в какой стороне находится этот военный комендант. Она стала мне показывать и что-то рассказывать, но в это момент начался страшный авиационный налет и бомбежка. Упавшая неподалеку авиабомба убила эту женщину, ранила меня в плечо, Володьку в голову, а Сергея Мышенкова в грудь.

Алексей Мальцев помолчал немного и продолжил свой рассказ:

– Капитан Польских и младший лейтенант Мышенков направлялись во 2-ю танковую дивизию РККА, которая базировалась в Укмерге. А я должен был задержаться в Каунасе и продолжить службу в Особом отделе одной из дивизий каунасского гарнизона.

После безвкусного ужина Прошка предложил Алексею ночевать не в общей спальне казармы, а в их раздевалке, где их уже никто не будет беспокоить. Лейтенант Мальцев с удовольствием согласился, но, прежде чем покинуть столовую, он подошел к столу, за которым сидел Мышенков с товарищами, и перекинулся с ним парой слов. Затем они вдвоем по аллейке прошли в ремонтные мастерские, никто из украинских полицейских их не остановил, и они за собой заперли дверь раздевалки и начали укладываться спать прямо на полу. Все равно это было гораздо лучше спать относительно свободными на полу, чем под охраной украинских полицейских в закрытой на ключ казарме.

Прошка проснулся в районе трех часов утра, как и заказывал себе. С малолетства он за собой заметил такую причуду. Мог засыпать в любую минуту и в любом положении, хоть стоя на голове, но мог и просыпаться по собственному приказу. Сказал себе, Проша, завтра нужно проснуться в семь часов тридцать минут утра, ну, и завтра ровно в семь тридцать утра он открывал свои глаза. Так уж он был устроен! Проснувшись, Прохор внимательно прислушался, в раздевалке стояла сплошная темнота, рассмотреть в которой было ничего не возможно, поэтому можно было полагаться на один только слух. В раздевалке слышалось одно только легкое посапывание носом Лешки Мальцева. Он на локтях подполз к нему, положил руки на голову спящего сна, а кончиками пальцев коснулся висков головы Сергея.

Слегка сосредоточился и попытался проникнуть в его сознание, что-то пошумело, что-то холодное протекло между пальцами. И вдруг он увидел себя, крошечного человечка, одетого в какой-то комбинезон и шагающего по странному и чем-то заполненному тоннелю. Прошка несколько секунд поворачивал головой, пытаясь определить, где же он находится. Но в этот момент что-то внутри него сердито прошипело:

– Ну, ты, простак деревенский, а ты подготовился к этой операции? Что собираешься здесь делать и согласовал ли вопрос пребывания в организме человека с его хозяином?

Подобного обращения Прошка, разумеется, совсем не ожидал, ему уже несколько раз удавалось совершать такие путешествия по сознанию своих деревенских подружек. Но тогда это было совсем не интересно, в тот момент все эти подружки безоглядно любили его и отдавали ему самое дорогое, чем они обладали. А вот сейчас Прошка замер в этом комбинезоне и хорошо поставленным командирским голосом отрапортовал, что прибыл сюда для лечения полученной раны и для прояснения вопроса, мог бы данный реципиент помочь ему в организации и осуществлении замышляемого побега из немецкого плена.

– Хорошие и толковые цели, стоят перед тобой паренек, только начинающий свою жизнь в магии. Теперь тебе нужно только подумать о том, чем бы ты сейчас хотел заняться, и воля хозяина этого тела перенесет тебя туда, куда ты пожелаешь! – Произнес ставший более ласковым голос, который так неласково встретил его в первый раз.

Прошка задумался над полученным советом и решил первоначально, изнутри осмотреть рану Алексея Мальцева. Через мгновение он был в каком-то кровеносном сосуде, который имел непосредственный выход в рану, кровь из этого сосуда продолжала потихоньку сочиться. Поэтому рана лейтенанта должна была постоянно болеть и быть мокрой от крови. А ведь лейтенант Мальцев ни разу не жаловался на боль в своей ране, подумал Прошка, приступая к ее дезинфекции и обработке. Нечто вроде острейшим мачете он срубал начинавшие загнивать ткани. Кровеносный поток их тут же куда-то уносил. В одном месте внешний шов перетянул большой кровеносный сосуд. В результате чего нарушалась равномерность течения потока крови. Прошка взрезал этот стежок и заварил рану слабой электродругой, полученной из своих пальцев. Аналогичным образом он поступил с сосудом, который слегка кровоточил, его хорошенько заварил, а затем подумал о том, что ему нужна информация по хозяину этого тела.

Чужая воля снова перенесла его в небольшую комнатенку, в которой кроме стола и стула больше ничего не было. Прохор прошел и комфортно устроился на стуле за столом и сразу почувствовал, что с ним кто-то общается. Это кто-то сказал:

– Наш консилиум решил, что вы можете задать три вопроса человеку по имени Алексей Мальцев, он честно и без утайки ответит на эти вопросы. Ваш первый вопрос?

– Кто вы, лейтенант Мальцев?

– Я родился и вырос на Самотеке в Москве, столице нашей великой родины, Советского Союза. Учился в средней школе, был пионером и звеньевым отряда пионеров. Вступил в Ленинский Комсомол и был не плохим комсомольцем. По окончании школы поступил в МАИ, на третьем курсе которого общее собрание комсомольцев рекомендовало меня к поступлению в школу НКВД, которую окончил в 1939 году. Сегодня я лейтенант войск НКВД и оперативный уполномоченный Особого отдела 18-го пехотного корпуса, который дислоцировался в Каунасе. В первый день войны от разрыва авиабомбы получил средней тяжести ранение в плечо, лечился в каунасском госпитале, который вскоре вместе с ранеными бойцами и командирами был захвачен немцами.

– Что вы думаете о своей дальнейшей судьбе? Готовы ли вы принять участие в побеге?

– С первой же минуты нахождения в немецком плену я только и думаю о побеге. Бежал бы и раньше, если бы имелась такая возможность, и я имел бы физические силы для его осуществления. Сейчас я вместе со своим товарищем, Сергеем Мышенковым, работаю над проектом бегства. Мы могли бы бежать сегодня или завтра, украинская охрана работает спустя рукава плохо, но перед нами встает проблема местного населения, литовцы ненавидят русских и никогда нам не помогут бежать из плена!

– Что вы могли бы сказать о своем товарище, младшим лейтенанте Сергее Мышенкове?

Младший лейтенант Сергей Мышенков, является одним из лучших механиков-водителей вооруженных сил Советского Союза. Он завоевал третье место по стране на соревнованиях по этой воинской дисциплине. Возвращался в свою 2-ю танковую дивизию РККА, когда получил неожиданное ранение в грудь на каунасском железнодорожном вокзале. Серега пойдет за нами, куда угодно, лишь бы отомстить немцам за эту войну.

2

Прошка только что выбрался из башни новой компоновки танка КВ, сейчас он стоял на брони танка и переживал за качество своей работы. Эта новая танковая башня сейчас ничем не напоминала ту старую башню КВ, с которой он начал работать три дня назад.

Башня теперь могла вращаться в любом направлении на 360 градусов и имела угол подъема орудия от – 5 до 40 градусов. Все эти операции осуществлялись простым нажатием педалей наводчиком орудия или командиром танка, который мог также выполнять обязанности наводчика орудия, в случае выхода из строя последнего. Нигде ничего не искрило и не замыкало, немецкое качество гарантировало большой срок работы электрооборудования и различных электродвигателей, а также различных оптических датчиков с цейсовскими объективами, дневными и ночными приборами ориентирования.

Теперь командир танка и наводчик орудия простым переключением тумблеров могли произвести автоматическую систему перезарядки орудия. Но, даже не смотря на немецкое высокое качество этой автоматической системы перезарядки, она все могла выходить из строя, и тогда бортинженер–радист мог бы выполнять обязанности заряжающего. Его откидное место находилось с левой стороны танкового орудия в задней части башни, что позволяло этому члену экипажа свободно перемещаться по левой стороне танка. Бортинженер–радист, в случае ранения механика-водителя, мог легко эвакуировать того с его места в передней части танка, и занять его место.

Одним словом, им осталось завершить работу по ремонту отсека механика-водителя. Алексей Мальцев там уже многое там сделал, за завтрашний день они вдвоем, наверняка, завершат эту работу, в топливные баки заливают солярку, получают боезапас к орудиям и пулеметам. И послезавтра тяжелый танк КВ можно выставлять на государственную приемку. Мастер наставник Гюнтер Винтер уже сегодня вечером, в рамках подготовки к этой госприемке, вместе со своими товарищами мастерами наставниками, которые занимались восстановлением Т-34, проводит предварительное обсуждение произведенных ремонтных работ на всех танках. Он потребовал, чтобы на этой встрече присутствовали ли бы и их русские помощники. Несколько минут назад капитан Винтер переоделся в офицерское обмундирование и убежал из ремонтных мастерских по каким-то делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.